

КОНТИНЕНТ

**Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал**

44

**Издательство «Континент»
1985**

ПОЭТ СВОЕЙ СУДЬБЫ

«Поэтам свойственно предсказывать свою судьбу: всем известны «Не смейся над моей пророческой тоской» Лермонтова, или «это сделал в блузе темносерой невысокий старый человек» Гумилева...»
(Вадим Делоне. Из интервью «Русской мысли»)

Из всех поэтов третьей эмиграции Вадим Делоне выделяется немислимой ностальгией. Тема эта звучит то грозным, то одурманивающим лейтмотивом во всех стихах, написанных за последние восемь лет – те восемь лет, которые дано было ему прожить на родине предков, которую он воспринял как нечто самое чужое, что только вообразить можно...

Мандельштам считал, что в критике поэзии самое главное – найти корни поэта и, поняв, «откуда он», уже пытаться ответить, «кто он» и «куда идет».

Итак – откуда? Думаю, что не сильно ошибусь, если отмечу нечто общее с Николаем Некрасовым, просеянным сквозь Высоцкого, облагороженного влиянием Александра Галича. Утверждение требует доказательств? Попробую их представить.

Прежде всего хочется остановиться на одной из последних вещей Делоне, на «Балладе о Владимире Высоцком». Тут словно бы три поэтических личности слиты в один образ, который зыбок: то он, и верно, один, то вдруг начинает в сознании читателя троиться и – отдельно! – Артюр Рембо, Владимир Высоцкий, Вадим Делоне... Единая интонация сводит в одно то общее, что видит поэт в трех судьбах:

Вадим Делоне. Стихи. 1965 – 1983. Париж, «La Presse Libre», 1984.

Нас время как-то не свело в аккордах лестниц,
Пойдет душа моя на слом, как дом в предместье...
Я уложусь в свою строку, как в доски гроба,
И пусть венков не соберу – я не был снобом –
Я по парижским кабакам в огнях угарных...
Но – нет Рембо – а значит, там – бездарно...

И так же, как Высоцкий переливается в Рембо, словно в затуманенном зеркале парижского кафе, так вдруг, с той же зыбкостью, но и с той же неминуемостью, Париж переливается в осеннюю Москву...

Орган разносит гул токкат за грань столетий,
Наотмашь бьет шальной закат по крышам плетью,
А листья гаснут на ветру в дожде осеннем,
И я ловлю их на лету, ищу спасенья.

Так же, как спасенья искал в авантюрах Рембо, отчаявшийся переделать своими стихами мир и потому бросивший писать; так же, как в «метаньях по странам, меж двух столиц» искал спасенья Высоцкий, которому ни уехать, ни остаться было немыслимо, ибо тут он тянулся в Москву, в Москве тосковал по Парижу... Вот в этом, может быть, частица того общего, что почувствовал Делоне в трех судьбах, «нераздельно и неслиянно» живущих в его поэме, которая звучит тем самым «предсказанием судьбы». Баллада заканчивается так:

Пусть дни пропали – в снах своих я к ним прикован.
И – нет Высоцкого в живых. Он – зарифмован.

Ностальгия выдернула его поэтику из простой, песенной, прозрачной стихии, увесила ее, как гирями (прекрасными, но гирями!), метафорами, которых не знали его стихи, написанные в России. То он писал просто, как птица поет:

По европейским городам мечусь под хмелем,
Но я живу не здесь, а там, я в это верю...

А позднее вот как звучат его стихи:

Взять бы вот химер, ты нам поверь,
Тех, что заскучали в Нотр-Даме,

Да на водопой свести к Неве –
Светлыми б запели голосами.

(Если учесть, что химеры в архитектуре средневековья, это бесы, наказанные тем, что на них крыша лежит, то значит – даже бесы, и те в России могут вспомнить, что когда-то были ангелами...) Так в короткой строфе, в метафоре сжато мировидение поэта...

Простота звучания и вместе с тем безусловная музыкальность – самые главные свойства его поэзии. По сути дела, песня, то народная, то блатная, просвечивает сквозь каждое стихотворение. Ритмы его, сочетания звуков, в которых никогда, несмотря на явный недостаток мастерства, нет корявости или неблагозвучия. Чувствуется, что он был из той категории поэтов, которым музыка ближе живописи:

Ветер красной играет листвой,
Словно карты краплены мечет,
И березы стоят над душой,
Как стоят над покойником свечи...

Вот, наверное, самая «живописная» строфа во всем поэтическом наследии Вадима Делоне. Но и она – музыкальна прежде всего. А что уж говорить о таких стихах, сквозь которые просто угадывается знакомая, общеизвестная мелодия, вот, например:

Хочешь хохмочку? Пью до одури,
Пару стопочек мне налей...
Русь в семнадцатом чёрту продали
За уродливый мавзолей...

Звучит же (и не отделаться!) старая песня: «Так по камушкам, по кирпичикам...» И это звучание вносит в стихи Делоне дополнительные ассоциации, дополнительные смыслы, о которых, вернее всего, сознательно он не думал: чтобы п р и д у м а т ь сознательно такой прием, надо, ну, хоть как Вознесенский, иметь математическое мышление архитектора... А Вадим пел – как птица поет! И мелодии, обогащавшие его поэзию, тоже как птица по зернышку подбирал на улицах или в пересылках... Поэтому слышатся в его стихах то жестокий романс, то блатная песня, то старинная народная...

Вот традиционная мелодия народной, тягучей песни, причем лексика стихотворения, легшего вот так, само собой, на ее музыку, утяжеленно-гулаговская:

И вернулся сюда, где этапов не ждут,
Где считают года на копейки минут,
Где уюты блюдут, городят города,
Где других узнают, а себя никогда...

Эта элегия, звучащая как старинная деревенская песня, – одно из самых сильных и совершенных стихотворений поэта. Жуткий психологический контрапункт нарушает эту тягучую, грустную исповедь. Контрапункт на этот раз – чисто сюжетный. Возвращение из лагерей, о котором так неспешно, подробно, грустно, но умиротворенно рассказывает поэт, вдруг – ударом, – обрывается арестом любимой, и это в сотни раз тяжелей:

Но за гордость мою Бог настиг, наказал:
И тебя у меня просто взял и отнял,
Как прикладом в висок, глухо грянул звонок,
Эх, зачем не за мной вы пришли на порог...

Это стихотворение – центральное в цикле «Заметки к автобиографии», в цикле, который, видимо, следует считать главным среди всего, написанного поэтом, прожившим недолго, да еще потерявшим большую часть стихов во время обысков, этапов и других не слишком пригодных для творчества событий.

И опять вернусь к утверждению поэта, что «поэтам свойственно предсказывать свою судьбу». Еще в 1975 году в Москве он писал:

В стекла порта воздушного, перестав разговаривать,
Я уткнусь равнодушно, словно рыба в аквариум,
И в ответ не рванется мне навстречу земля,
Лишь на горле сойдется горизонта петля!

После эмиграции, как я уже говорил, стиль поэта довольно быстро переменился. Он остался тем же Делоне, но прозрачность сменилась ощутимой густотой метафор. То «душа в пограничных ребристых столбах», то «музы – химеры

из собора», и глубокие, порой тяжелые мысли. Появляется философский подход к жизни, да еще – растерянность в том мире, к которому – он знал – так и не суждено хоть малость привыкнуть, который входит в стихи, но как-то неорганично. Делоне сам сформулировал и эту растерянность, и новое, философское отношение к жизни в такой строфе:

Как прапорщик, сорвавший эполеты,
Я не пригоден больше ни к чему,
Но если Бог не требует ответа,
Не следует с ответом лезть к Нему.

И при всем этом сохраняется постоянно в его стихах тот улыбочатый юмор, без которого многие строки показались бы напыщенными. Особенно это заметно в стихах, насыщенных лагерной лексикой, в стихах о том, как топтуны ходят за ним («Я за водкой стою в гастронорме, а они сторожат за углом»). Или замечательная, прямо из души вырвавшаяся строчка, такая естественная и такая точная, говорящая о ностальгии больше, чем многие страницы лирических излияний:

Я б эту визу отдал за полбанки
Майору с нашей доблестной Лубянки.

(Кстати – мелодия опять знакомая – одесская песенка!)

И вообще то, что он называл «музыка народная, блатная, хороводная», его до последних стихов не оставляла.

Интересно, что в отличие от большинства молодых поэтов, оказавшихся по той или иной причине за рубежом, Вадим Делоне не спешил с изданием своих стихов. Он в этом смысле к себе строго относился. Не спешил с книгой, да вот, как сказал с грустной улыбкой один из близких к нему людей, перестарался... Первая книга поэта вышла посмертно...

Есть поэтому в ней особый раздел – стихи, которые поэт н и к о г д а не предлагал для публикаций. И тут видно, что отсутствие поэтической среды на протяжении целых лет – то в лагерях, а то и в эмиграции – сказалось на умении выбирать: одно из лучших произведений Делоне – «Лефортовская баллада» (поэма из трех частей) – так и лежало в ящике, тогда как некоторые стихи, более слабые или сырые, печатались в периодике.

Вот строчки из нее о Пушкине, который «когда-то тоже ведь на площадь случайно только не попал», или такие строки:

Я вижу профиль Гумилева...
Ах, подпоручик, Ваша честь,
Вы отчеканивали слово,
Как шаг, когда Вы шли на смерть...

Есть в этом разделе и еще несколько замечательных стихотворений, в частности, посвященное А. А. Галичу «Мы заботами заболочены» или – неожиданное для песенного Делоне – почти классицистическое, торжественное:

Я бросил вызов Родине моей,
Когда ее войска пошли на Прагу.

Или «Часы напоминают мне наручники» – место этих стихов, безусловно, в основном корпусе книги рядом с «Заметками к автобиографии» и «Балладой о Владимире Высоцком».

Так или иначе, но получается злой парадокс: поэта Делоне многие увидели тогда, когда человека, Вадима, не стало. Парадокс, к сожалению, случающийся не так уж редко...

Василий Бетаки